ПРОЗА.

ЗАПИСКИ

ПОКОЙНАГО ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА,

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ ЕГО ВЪ 1826 ГОДУ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ТИФЛИСЪ.

—

Я былъ въ отставкѣ два года четыре мѣсяца и девять дней, то есть, съ 1823 года, ноября 14, по 1826 годъ, марта 23.

При восшествіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича, я, по прошенію моему, опять вступилъ въ службу и назначенъ состоять по кавалеріи. Живя съ семействомъ моимъ, то въ Москвѣ, то въ подмосковной моей деревнѣ, я ожидалъ коронаціи, ни мало не думая о дѣйствитель-

ной службѣ, то есть, о службѣ во фронтѣ или на войнѣ.

Въ первыхъ числахъ августа, поѣхалъ я во дворецъ, представиться Государю Императору, прибывшему въ Москву. Насъ было до 60 человѣкъ, разныхъ званій и чиновъ. Начальникъ главнаго штаба, генералъ Дибичь, полагалъ, что представленіе будетъ въ проходной залѣ, передъ грановитою палатою, и мы всѣ были тамъ собраны. Генералъ Дибичь подходилъ и разговаривалъ со многими и, между прочимъ, услышалъ я, что онъ сказалъ войска донскаго генералъ маіору Василію Иловайскому: «Государь желаетъ, чтобъ вы ѣхали «какъ можно поскорѣй къ своему мѣсту и такъ «даже, чтобы вы не ожидали коронаціи Его Ве«личества»—(генералъ Иловайской принадлежалъ къ кавказскому корпусу). Тоже было сказано генералъ маіору Королькову, недавно въ тотъ же корпусъ переведенному.

Такой разговоръ начальника штаба Его Величества съ генералами кавказскаго корпуса, доказывалъ, что въ томъ корпусѣ не совсѣмъ здорово, но я полагалъ, что, можетъ быть, Черкесы сдѣлали набѣгъ на какое нибудь селеніе, разграбили и увели жителей, какъ иногда тамъ бываетъ и что дошедшіе оттуда слухи слишкомъ преувеличены, и это также нерѣдко случается.

Вскорѣ послѣ того объявили намъ, что представленіе будетъ не въ залѣ передъ грановитою

палатою, а въ собственномъ Его Величества дворцѣ (подлѣ Чудова монастыря). Мы всѣ туда отправились и насъ поставили тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде. Не много спустя послѣ того, Государь Императоръ взошелъ въ залу. Онъ говорилъ со всѣми очень ласково и милостиво, и когда дошла до меня очередь, то Его Величество изволилъ сказать мнѣ, что онъ радъ меня видѣть, изъявилъ свое удовольствіе, что я снова надѣлъ эполеты, замѣтилъ, что я ни мало не постарѣлъ и спросилъ меня, здоровъ ли я?—На отвѣтъ мой, что я, благодаря Бога, здоровъ, Его Величество спросилъ меня: могу ли я служить въ дѣйствительной службѣ, я отвѣчалъ, что могу, и Его Величество, улыбнувшись милостиво, пошелъ далѣе.

На другой день, все еще въ невѣдѣніи о военныхъ дѣйствіяхъ въ Грузіи, пріѣхалъ я въ Кремль къ разводу, и, ходя по площади, встрѣтился съ однимъ изъ приближенныхъ къ генералу Дибичу.— Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ. — «Знае«те ли, Денисъ Васильевичъ, что я сей часъ гово«рилъ объ васъ съ генераломъ Дибичемъ». — Помилуй, отвѣчалъ я, о чемъ кажется было бы говорить обо мнѣ. — «Онъ спрашивалъ, какъ я ду«маю, согласитесь ли вы ѣхать въ Грузію, гдѣ «теперь война и Государь хочетъ васъ послать «туда.» Что жъ ты отвѣчалъ?—«Мнѣ неизвѣстно «ваше намѣреніе, но на всякой случай, желая

«дать вамъ средства отказаться, ежели вы не за-«хотите принять это предложеніе, отвѣчалъ, что «врядъ ли вы согласитесь, имѣя такое большое «семейство и состояніе, довольно разстроенное; «теперь ваше дѣло, рѣшиться ли ѣхать въ Грузію «или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я открылъ вамъ «отверстіе, черезъ которое вы можете избавиться «отъ этой поѣздки.» — Но пока онъ говорилъ, я уже рѣшался. — *Рѣшился ѣхать.* Нельзя было сдѣлать иначе. Я самъ просился вступить опять въ службу: какъ же отказываться отъ боевой служ-бы? — Неужели я надѣлъ эполеты для того толь-ко, чтобы таскаться съ ними по гуляньямъ и ба-ламъ, или шевелить ими въ деревнѣ передъ ста-ростою или исправникомъ? — Къ тому же слово *война*, до сихъ поръ, не смотря на то, что я про-жилъ уже около полстолѣтія, имѣло какой то ма-гической звукъ въ душѣ моей, да и выборъ меня *перваго* на путь опасностей и чести не могъ не льстить моему самолюбію. Вотъ причины, побу-дившія меня явиться снова на боевое поприще. Но я солгалъ бы, еслибъ смѣлъ увѣрять, что рѣ-шился безъ сильной борьбы съ моимъ сердцемъ. Нѣжнѣйшая привязанность къ моей женѣ, быв-шей тогда беременною, съ которою, въ теченіи осьми лѣтъ, ни одного дня я не разставался, увѣ-ренность, что и она очень и очень огорчена бу-детъ отсутствіемъ моимъ на неопредѣленное время въ столь отдаленный край, сдѣлавшійся театромъ

военныхъ дѣйствій, и, сверхъ того, извѣстный по свирѣпствующимъ въ немъ особаго рода смертоноснымъ болѣзнямъ. Разлука съ дѣтьми, которыя были хотя еще малы, но уже утѣшали меня, словомъ, разставанье со всѣмъ милымъ и необходимымъ какъ жизнь для моего сердца, и даже съ домашними привычками, которыя въ одиннадцать лѣтъ мирной жизни во мнѣ укоренились, — все терзало мою душу. Нужна была вся сила разсудка и еще болѣе, можетъ быть, вся страсть моя къ боевой службѣ и могущество славолюбія, все это вмѣстѣ было очень и очень мнѣ нужно, для преодолѣнія желанія отказаться отъ столь неожиданнаго мною назначенія.

Вскорѣ послѣ разговора моего съ приближеннымъ генерала Дибича, онъ самъ пріѣхалъ къ разводу и прежде всѣхъ подошелъ къ генералу Королькову, съ вопросомъ, когда онъ ѣдетъ? — Отъ него приблизился ко мнѣ и, поздоровавшись, сказалъ, что имѣетъ нужду говорить со мною и назначилъ мнѣ свиданіе на другой день, въ 12 часовъ утра. — Я явился изъ минуты въ минуту въ опредѣленное время и только что успѣлъ взойти въ адьютантскую, какъ дверь кабинета отворилась и генералъ Дибичъ позвалъ меня къ себѣ. Онъ взялъ меня пріятельски за руку и, по обыкновенію своему, не глядя въ лице, а потупя глаза въ низъ, или обращая ихъ потупленными въ сторону, сказалъ мнѣ.

— Государю угодно, чтобы вы ѣхали въ Грузію, тамъ война. Его Величеству нужны отличные офицеры. Онъ избралъ васъ, но желаетъ знать, согласитесь ли и вы на это назначеніе.

Я, рѣшившись уже единожды на отъѣздъ въ Грузію, не находилъ нужнымъ жеманиться, при принятіи этого предложенія и, приступя къ дѣлу, прямо отвѣчалъ ему: — «Мнѣ очень прискорбно «видѣть сомнѣніе Государя въ принятіи мною пред«ложенія на военныя дѣйствія, скажите, ваше «превосходительство, Государю, что я не только «ни одну минуту не поколебался, но что милос«тивое Его вниманіе ко мнѣ и выборъ никогда «не забудетъ мое благодарное сердце. — Прибавь«те къ тому, что я всегда готовъ на всякій путь «прямой и опасный.» — Генералъ Дибичь, вмѣсто отвѣта, обнялъ и расцѣловалъ меня.—Тогда спросилъ я, когда прикажете ѣхать? — Онъ сказалъ, что надобно подождать до пріѣзда перваго изъ Грузіи курьера, и мы разстались.

Шесть дней не было изъ Грузіи никакого извѣстія, наконецъ узналъ я, что пріѣхалъ фельдъегерь оттуда и на другой же день утромъ отправился къ разводу на Кремлевскую площадь, чтобы узнать о моей участи. Я не спускалъ глазъ съ генерала Дибича, онъ подходилъ отъ одного генерала къ другому, но, увидѣвъ меня, вдругъ взялъ перпендикулярное направленіе ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ. «Государю угодно, чтобъ

вы какъ можно скорѣй ѣхали.»—«Слушаю, былъ отвѣтъ мой, а постскриптумъ:—«не уже ли я поѣду не видавъ Государя?» — «Непремѣнно увидите, я вамъ дамъ знать когда именно.»

Между тѣмъ, въ теченіи шестидневнаго ожиданія курьера изъ Грузіи, я посѣщалъ общества и балы, даваемые по случаю коронаціи. Слухъ о назначеніи меня распространился повсюду и множество знакомыхъ моихъ интересовались знать о моемъ отъѣздѣ, я ничего не могъ сказать опредѣлительнаго по самой простой причинѣ, потому что самъ не зналъ, не только когда я поѣду, но даже и того, точно ли я отправлюсь въ Грузію. Впрочемъ вообще говорили иные, что все уладится безъ войны, а другіе утверждали, что если и откроется война, то непродолжительная, потому что Персіянамъ нельзя устоять противъ Рускихъ и что навѣрное болѣе трехъ мѣсяцовъ кампанія не продолжится. Я самъ былъ того же мнѣнія не по разсудку, а потому что невольно вѣришь тому что хочется. — Мнѣ пора было знать, прослуживъ двѣ кампаніи противъ Турковъ, что въ войнѣ съ Азіятцами главное состоитъ не въ дракѣ; бить ихъ всегда очень легко Рускимъ, а въ умѣніи *вести войну*, то есть, въ искусствѣ распоряжаться такъ, чтобъ солдаты наши всегда имѣли полный желудокъ пищею, и полную суму съ патронами, а артиллерія полные парки, что весьма трудно, какъ въ Турціи, такъ и въ Персіи.

Вечеромъ, въ тотъ же день, когда генералъ Дибичъ объявилъ мнѣ словесно Высочайшее повелѣніе, чтобъ я поспѣшилъ отъѣздомъ въ Грузію, получилъ я отъ него же офиціальную бумагу явиться къ Государю Императору на другой день въ 12 часовъ.

12 августа, по утру, Государь былъ на маневрахъ и я дожидался цѣлый часъ во дворцѣ, гдѣ никого не было, но около 12 часовъ Его Величество возвратился и я былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени я вышелъ изъ кабинета въ полномъ восторгѣ и очарованіи отъ милостиваго пріема и разговора со мною Его Величества.

Я чрезвычайно спѣшилъ распоряженіями и приготовленіями къ немедленному отъѣзду и, по мѣрѣ приближенія времени къ разлукѣ съ семействомъ моимъ, грусть и тоска сердца часъ отъ часу болѣе усиливались, а къ довершенію всего, домъ мой безпрестанно наполненъ былъ родными, друзьями и пріятелями, пріѣзжавшими прощаться со мною, все это еще болѣе сокрушало меня потому, что я не могъ посвятить семейству моему послѣднія минуты передъ разлукою, можетъ быть весьма продолжительною, а можетъ быть и вѣчною. — При томъ же мнѣ должно было притворяться веселымъ, когда горе тяготило мое сердце....

Между тѣмъ хотѣлось мнѣ имѣть полное и настоящее понятіе о положеніи дѣлъ въ Грузіи, но

только вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, узналъ я, что Аббасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола, со ста тысячами войска вторгнулся въ предѣлы наши въ Карабахскую провинцію, обложилъ крѣпость *Шушу*, въ которой заперся и твердо отстаиваетъ полковникъ Реутъ съ частію своего полка. Сверхъ того, кромѣ обложенія *Шуши*, непріятель, усиленными маршами, идетъ впередъ и, по послѣднему извѣстію, находился уже въ 150 верстахъ отъ Тифлиса, а съ другой стороны (отъ Ериванской крѣпости) сардарь ериванскій, съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ, извѣстнымъ въ той сторонѣ наѣзникомъ, овладѣлъ Бамбагскою и Шургальскою провинціями и простеръ наѣзды свои до Ковша, за 50 верстъ отъ Тифлиса, но что и съ нашей стороны поспѣшно собираются войски и даже послано повелѣніе нѣкоторымъ баталіонамъ, находящимся на кавказской линіи, поспѣшно, усиленными маршами, слѣдовать къ Тифлису, но что по всѣмъ соображеніямъ не возможно собрать въ одно мѣсто болѣе 8000 человѣкъ, безъ открытія другихъ пунктовъ, посредствомъ коихъ сохраняется спокойствіе въ горахъ и содержатся въ повиновеніи дикіе, воинственные народы, обитающіе въ тылу единственнаго сообщенія съ Россіею, и безъ того уже затрудненнаго кавказскими громадами. — Словомъ, всѣ дѣла представлялись совсѣмъ не въ розовомъ цвѣтѣ и я, могу сказать,

погружался въ самый кипятокъ обстоятельствъ; но жребій былъ брошенъ.

15 августа, въ воскресенье, въ 2 часа по полудни, я, съ стѣсненнымъ сердцемъ, выѣхалъ изъ шумной и веселящейся столицы въ путь. — Жена и самые близкіе, сердечные для меня люди, провожали меня до заставы: тамъ простился я съ ними, сѣлъ въ коляску и, оставшись одинъ самъ съ собою, не удерживалъ уже болѣе слезъ моихъ; онѣ нѣсколько облегчили тяжелый камень грусти, тяготившій мое сердце....

..... Въ Воронежѣ, я распрощался, какъ мнѣ казалось, съ Россіею. — Отсюда начинаетъ ощутительно слабѣть населеніе, взору представляется болѣе полей и менѣе деревень, и чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣса рѣже и рѣже, а мѣстоположеніе площе и площе; такъ продолжается до Казанской станицы, пограничной съ Воронежскою губерніею, здѣсь правый берегъ Дона весьма высокъ и это возвышеніе продолжается на всемъ пространствѣ между первою и второю переправою черезъ Донъ въ Оксаѣ, оттуда начинаются уже истинныя степи до подошвы Кавказа.

Ѣзда отъ Черкасска начинается необыкновенная: не ѣдешь, а летишь; лошади чудесныя, дорога какъ полъ. Но взору не гдѣ остановиться, степь подобна безбрежному океану. Не знаю какъ для другихъ, а для меня все *безграничное* все-

ляетъ какую то душевную *поэтическую* тоску, неизъяснимо пріятную.

24 августа, пріѣхалъ я въ Ставрополь, прямо къ старинному знакомому и сослуживцу моему, областному начальнику князю П. Д. Горчакову. Не зная что дѣлается въ Грузіи, кромѣ только того, что мнѣ было извѣстно въ Москвѣ, и что было весьма нерадостно, при томъ же разъѣхавшись съ нѣкоторыми проѣзжими и съ фелдъегеремъ изъ Тифлиса, можно повѣрить, что я очень и очень желалъ узнать о тамошнихъ послѣднихъ новостяхъ, но и князь Горчаковъ зналъ не болѣе меня. Одно только новое свѣдѣніе сообщилъ онъ мнѣ, какія именно, и въ какомъ количествѣ, войска, усиленными маршами, поспѣшаютъ къ Тифлису.

Ставрополь городъ не совсѣмъ красивый и довольно грязный, не смотря на то, что лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, но за всѣмъ тѣмъ это оазисъ въ пустыняхъ аравійскихъ — я надѣялся было увидѣть тамъ Элборусъ, однакожъ не видалъ, можетъ быть отъ того, что погода была нѣсколько насмурная. Изъ Ставрополя отправился я утромъ 25 августа; по предлежащей мнѣ дорогѣ ѣздили прежде не иначе какъ съ многочисленнымъ конвоемъ казаковъ отъ станціи до станціи, но съ тѣхъ поръ, какъ линія подвинута ближе къ подошвѣ горъ, всѣ хищники присмирѣли и поуспокоились; иногда только, украдкою, и то весьма

рѣдко, появляются они и то небольшими партіями; теперь только по прежней привычкѣ, или отъ лишней осторожности, берутъ еще конвой по два казака со всякаго поста, учрежденныхъ на большой дорогѣ, одинъ отъ другаго ровно въ трехъ верстахъ, на какомъ нибудь курганѣ или возвышеніи.

Во время моего проѣзда, нѣкоторая часть линейныхъ казачьихъ полковъ, водворенныхъ на жительство отъ Московской крѣпости до Екатеринограда, получили повелѣніе перемѣститься на новую линію, подвинутую ближе къ подошвѣ горъ. Имъ, на новыхъ мѣстахъ будущаго ихъ жительства, построены уже дома по плану, и каждая станица обнесена рвомъ и валомъ съ частоколомъ.

Черезъ это распоряженіе, земля хищныхъ Черкесовъ болѣе и болѣе стѣсняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается надзоръ за такъ называемыми мирными Кабардинцами, которые, подъ предлогомъ *мирныхъ*, были прежде въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями и казаками, обитающими по большой дорогѣ, хитро вывѣдывая о какой либо неосторожности проѣзжающихъ, или о времени работъ жителей, оставляющихъ семейства свои въ деревняхъ, извѣщали о томъ враждебные аулы, или, скрывая посреди жилищъ своихъ разбойниковъ изъ тѣхъ ауловъ, сами присоединялись къ нимъ въ наѣздахъ и грабительствахъ ихъ на линіи. Теперь все это прекратилось. — Но самая

главная польза, происходящая отъ стѣсненія враждебныхъ и хищныхъ горцевъ, состоитъ въ томъ, что они, владѣя прежде большею частію плоской страны, имѣли всѣ способы собираться сильными толпами и производить вторженія на линію, а теперь, бывши затѣснены ближе къ ущеліямъ, или обладая у подошвы горъ весьма малымъ пространствомъ, лежащимъ, такъ сказать, подъ глазами новопереселенныхъ линейныхъ казачьихъ полковъ нашихъ, лишены всей возможности къ враждебнымъ предпріятіямъ. — Вотъ что изъясняетъ спокойствіе городовъ въ нынѣшнюю войну.

По дорогѣ изъ Ставрополя до Александрова, я безпрерывно смотрѣлъ, то въ даль, то по бокамъ, въ надеждѣ увидѣть Кавказъ и все таки не видѣлъ Кавказа. Дорога хотя степная, но покрыта холмистыми выпуклостями, которыя заслоняли горы, и отъ Александрова верстъ на пять было также, но тутъ вдругъ открылась вся цѣпь горъ снѣговыхъ и надъ ними Эльбрусъ какъ гигантскій шатеръ! — Видъ очаровательный, особенно для того, кто никогда не видалъ заоблачныхъ горъ.

Въ Георгіевскѣ я пробылъ часа два, ночевалъ въ станицѣ Прохладной и утромъ, 27 числа, пріѣхалъ въ Екатериноградъ. — Мѣстоположеніе все площе и площе, но дорога пріятна тѣмъ, что ѣдешь берегомъ Малки и никогда не теряешь изъ вида гигантской цѣпи горъ кавказскихъ, которыя

какъ стѣна подымаются отъ самой плоскости и обѣихъ оконечностей, и этой чудесной стѣны не досягаетъ взоръ. Кажется сама природа положила цѣпь кавказскихъ горъ предѣломъ Россіи.

Въ Екатериноградѣ я остановился часа на два у коменданта, надѣясь услышать отъ него что нибудь новое о Грузіи, но и онъ такъ же ничего не зналъ. — Отсюда дорога совсѣмъ уже не такая, какъ была прежде. — Надобно было переправляться черезъ рѣку Малку, которая, можно сказать, не течетъ, а летитъ и крутитъ всѣмъ, что попало. — Нельзя было не удивляться паромщикамъ и солдатамъ, которые переправляли меня. — Что за ловкость! — Что за отважность! — Они смѣло бросались въ самую быстроту, тащили паромъ руками вверхъ по теченію и потомъ, спустя его на произволъ, прицѣплялись къ бокамъ его, вися надъ бурными волнами, и мы летѣли какъ стрѣла наискось къ противному берегу.

Переѣхавъ благополучно черезъ Малку, надобно было продолжать путь нашъ лѣвымъ берегомъ Терека на однихъ лошадяхъ до самой Владикавказской крѣпости (105 верстъ). Отсюда назначается уже для проѣзжающихъ прикрытіе изъ 50 человѣкъ пѣхоты, 10 казаковъ и одного орудія, потому что дорога идетъ близко границы Чеченцовъ, главнѣйшихъ хищниковъ, храбрѣйшихъ и предпріимчивѣйшихъ изъ воинственныхъ кавказскихъ народовъ. — Генералъ Ермоловъ, во время

командованія своего въ этомъ краѣ, весьма обуздалъ ихъ, перенесеніемъ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунху и построеніемъ крѣпости *Грозной*, на берегу этой рѣки, но, не взирая на всѣ предосторожности, наѣздники чеченскіе не перестаютъ тайно пробираться сквозь наши войска и мимо крѣпости и являться значительными толпами на дорогу между Екатериноградомъ и Владикавказомъ — (*). Къ охраненію проѣзжающихъ отъ нападенія хищниковъ, приняты слѣдующія мѣры. — По дорогѣ отъ Екатеринограда до Владикавказа устроены большіе редуты съ бастіонами, и среди ихъ казармы для полнаго баталіона; такихъ большихъ редутовъ на пространствѣ 105 верстъ два: Урухской и Аздонской, и между каждымъ изъ нихъ построены другіе, меньшаго размѣра, для одной только роты, редуты, опредѣленные для привало въ. Никому не позволяется, да никто и не дерзаетъ ѣхать безъ прикрытія, для чего всѣ проѣзжающіе дожидаются назначеннаго дня для почты, или проѣзда курьера, или чиновника, въ Екатеринодаръ, ежели кому нужно ѣхать въ Владикавказъ, или въ семъ послѣднемъ городѣ, кому предлежитъ путь въ Екатеринодаръ. Такимъ образомъ проѣздъ по этой дорогѣ производится въ видѣ ка-

(*) Надобно вспомнить, что это писано не нынче; съ тѣхъ поръ все измѣнилось — разумѣется къ лучшему.

равана, въ которомъ видишь и почту, и маркитантовъ, и военный транспортъ, и частныхъ людей, ѣдущихъ по собственнымъ надобностямъ. Устройство въ маршѣ установляется слѣдующимъ порядкомъ. — Половинное число казаковъ впереди, а отъ нихъ казака три еще далѣе впереди за версту, потомъ половинное число пѣхоты, за нею орудіе заряженное и готовое къ немедленному выстрѣлу, за орудіемъ обозъ въ одну веревку и ежели очень опасно, то въ двѣ веревки, къ чему весьма способно плоское мѣстоположеніе, — за обозомъ слѣдуетъ другая половина пѣхоты, а за нею послѣдняя половина казаковъ и отъ нихъ еще командируются боковые патрули иногда на разстояніе версты и болѣе отъ каравана.

По случаю поздняго выѣзда изъ Екатеринодара и затруднительной переправы черезъ Малку, мы не могли притти для ночлега въ Урухской редутъ и принуждены были ночевать въ Прискибскомъ небольшомъ редутѣ, назначенномъ къ уничтоженію, но въ немъ находилось еще войско. — Офицеръ, конвоировавшій насъ, и тотъ, который находился въ редутѣ, оба Кабардинскаго пѣхотнаго полка, весьма порядочные, и, какъ казалось, довольно образованные молодые люди.

28 августа рано по утру, я оставилъ пѣхоту и, подъ прикрытіемъ 30 казаковъ, поѣхалъ рысью впередъ. Правду сказать, я много и очень много рисковалъ, но сопровождавшіе меня казаки были

извѣстные молодцы линейные.—Мнѣ хотѣлось догнать почту и большой караванъ, впереди насъ шедшій и ночевавшій на Урухскомъ редутѣ, но, пріѣхавъ туда, я не нашелъ уже этого каравана и отправился тотчасъ далѣе, наконецъ догналъ его въ привальномъ редутѣ, называемомъ *Мечетской*; тутъ нашелъ я, между прочими знакомыми моими, и Грибоѣдова, выѣхавшаго гораздо прежде меня изъ Москвы.

Отъ *Мечетскаго* редута до Бѣлой рѣчки (8 или 9 верстъ), идетъ самая опаснѣйшая изъ всего края дорога; она вьется въ ущелинѣ между Терекомъ, весьма быстро текущимъ, и цѣпью довольно высокихъ горъ, сверхъ того дорога прерывается глубокими оврагами. — Такая мѣстность даетъ все удобство Чеченцамъ, живущимъ не въ дальнемъ разстояніи за Терекомъ, укрываться и дѣлать внезапныя нападенія. — Однакожъ мы проѣхали благополучно и ночевали въ Арадонскомъ редутѣ.

29 августа, рано утромъ, пріѣхали мы въ Владикавказъ. До сихъ поръ дорога наша простиралась большею частію по необозримой плоскости, которою граничитъ гигантская стѣна заоблачнаго Кавказа; иногда дорога пресѣкалась лощинами, но весьма пологими. — Былъ прежде въ одномъ мѣстѣ на этой дорогѣ лѣсъ, но теперь вырубленъ, за тѣмъ, чтобы лишить чеченскихъ хищниковъ убѣжища и сохранить проѣзжающихъ отъ внезапныхъ нападеній.

Во время слѣдованія каравана, приглашаются всѣ путешественники, не отдаляться ни на шагъ отъ каравана, потому, что иные охотники стрѣлять дичь, забывая, что они въ Кабардѣ и въ сосѣдствѣ съ Чеченцами, отходятъ за нѣсколько десятковъ сажень за фазанами, которыхъ здѣсь множество, и черезъ неосторожность свою подвергаются смерти или плѣну Чеченцамъ, скрывающимся часто по нѣсколько сутокъ безъ пищи и питья въ кустахъ, или камышахъ, и даже въ высокой и густой травѣ.

Здѣсь всѣ жители, даже такъ называемые мирные Кабардинцы, живутъ весь вѣкъ какъ будто среди самой жестокой войны. Всѣ вооружены отъ 12 лѣтняго мальчика до 70 лѣтняго старца. Каждый имѣетъ на себѣ кинжалъ, шашку и ружье за плечами, всегда заряженное. Онъ снимаетъ послѣднія два оружія только у себя въ саклѣ, то есть, въ землянкѣ своей, но опять надѣваетъ, готовясь только переступить за порогъ, даже при вечернихъ сходбищахъ, на которыя жители собираются для разговоровъ и увеселеній. — На плоской крышкѣ собственной своей сакли, каждый изъ нихъ сидитъ и куритъ трубку, вооруженный съ ногъ до головы.—Видишь здѣсь стада и пастуховъ, но не такъ какъ въ идилліяхъ, не съ посошками, обвитыми розовыми лентами и поющихъ чувствительныя пѣсни.—Видишь загорѣлыхъ отъ солнца, съ дикимъ взоромъ, горбоносыхъ вои-

новъ, готовыхъ не только защищаться, но еще болѣе нападать.

Двѣ причины этому обыкновенію: первое то, что въ правахъ ихъ, хищничество вооруженною рукою признается за героизмъ и за высокую добродѣтель, а вторая, что по ихъ обычаямъ должно непремѣнно *платить кровь за кровь*. Мщеніе у нихъ переходитъ иногда даже отъ одного поколѣнія до другаго. Вотъ почему каждый выходитъ изъ своей сакли въ полномъ вооруженіи, или на похищеніе чужаго добра, или для умерщвленія убійцы своего родственника, или для собственной своей защиты отъ убійцы.

Въ Владикавказѣ отвели мнѣ квартиру въ крѣпости и отдали всѣ установленныя почести. Былъ выставленъ караулъ, который я тотъ же часъ отпустилъ; являлся ко мнѣ съ рапортомъ комендантъ и плацъ-маіоръ; я распрашивалъ у нихъ о дѣлахъ въ Грузіи, но и они ничего вѣрнаго не знали, а обѣщали прислать ко мнѣ пріѣхавшаго недавно изъ Тифлиса полковника путей сообщенія, командированнаго оттуда для поправленія дороги и мостовъ при Дарьяльскомъ ущельѣ, заваленныхъ обрушеніемъ части горы Казбека, ночью съ 15 на 16 число августа, то есть, въ тотъ самый день какъ я выѣхалъ изъ Москвы. — Какое предсказаніе для меня, ежелибъ я былъ суевѣренъ!

Отъ полковника, прибывшаго изъ Тифлиса, узналъ я, что войски поспѣшаютъ къ пунктамъ на-

значеннаго имъ соединенія, что Аббасъ-мирза съ сильною арміею (которую полагали тогда до 100 т.) въ Елисаветполѣ, а авангардъ его въ Шамахѣ, что Шуша блокирована, но полковникъ Реутъ съ полкомъ своимъ крѣпко въ ней держится, что сардарь еривапскій запялъ Бомбахскую и Шурагельскую провинціи и простираетъ набѣги свои до Ковша, въ 50 верстахъ отъ Тифлиса, что противъ Аббаса-мирзы князь Мадатовъ съ тремя тысячами, а противъ сардаря полковникъ князь Севирзимидзевъ съ тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ, на каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелалъ-Оглу, что̀ возлѣ Лори; что въ Тифлисѣ покойно и ни мало не опасаются непріятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, а Ермоловъ, зная трусость Персіянъ, покойнѣе всѣхъ и занимается сосредоточиваніемъ войскъ, чтобы однимъ разомъ все кончить и уничтожить.

Въ Владикавказѣ я писалъ письма домой. День былъ прелестный, я гулялъ и любовался Кавказомъ, который, какъ казалось, совсѣмъ почти нависъ на городъ, хотя онъ находится въ разстояніи 7 верстъ отъ подошвы горъ на ровной плоскости.—Изъ окна моего видѣнъ былъ Казбекъ, возвышающійся какъ двухъ-главая сахарная голова, надъ всѣмъ снѣговымъ хребтомъ и тогда, какъ я смотрѣлъ, будто выпечатанный на темно-голубомъ безоблачномъ небѣ. Ночью Казбекъ былъ еще величественнѣе, когда полная луна осыпала снѣговое темя его блѣдными своими лучами.

Я оставилъ въ Владикавказѣ свою коляску и 30 числа выѣхалъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ двумѣстныхъ дрожкахъ, которыми одолжилъ насъ до первой станціи маіоръ Н. Ф. О... Вещи наши были навьючены на казачьихъ лошадяхъ, а конвой убавленъ, потому что въ горахъ гораздо менѣе опасности, чѣмъ на томъ пространствѣ, которое мы проѣхали. Осетины мирнѣе Чеченцовъ, однакожъ и они не упускаютъ случая противъ неосторожныхъ. Конвой нашъ отсюда состоялъ всего изъ 10 человѣкъ пѣхоты и двухъ казаковъ, сверхъ того четыре казака вели нашихъ вьючныхъ лошадей и люди наши также ѣхали на казачьихъ лошадяхъ.

Отъ Владикавказа до въѣзда въ ущелье, изъ коего вытекаетъ Терекъ, всего верстъ 7; мѣстоположеніе также плоско какъ то, которое мы проѣхали; но проѣхавъ 7 верстъ, вдругъ погружаешься въ горы и, по мѣрѣ ѣзды впередъ, ущелья становятся тѣснѣе и тѣснѣе. Наконецъ въ Ларсѣ, въ 25 верстахъ отъ Владикавказа, верхи горъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, кажутся готовыми упасть на голову. Воздухъ, отъ возвышенности мѣстоположенія, гораздо холоднѣе. Въ Ларсѣ порядочный домикъ для проѣзжающихъ, здѣсь квартируетъ рота пѣхоты и команда казаковъ; строенія, для помѣщенія военныхъ, находятся у берега Терека, а на нижнемъ уступѣ горы стоятъ развалины древняго замка.

31 августа отправились мы далѣе. Я думалъ сначала, что мы просто упремся въ горы и не найдемъ отверстія для проѣзда: такъ издали тѣснина кажется спертою. Этимъ путемъ ѣхали версты четыре и, не доѣзжая до Дарьяла, разстояніемъ версты за три, встрѣтили мы рабочихъ, занимавшихся исправленіемъ дороги и мостовъ, заваленныхъ обрушеніемъ части горы Казбека. Этотъ обвалъ произошелъ на самомъ тѣсномъ мѣстѣ, покрылъ цѣлыми громадами каменьевъ мосты и дорогу и до того загородилъ теченіе Терека, что рѣка должна была прорыть себѣ другое отверстіе и теперь сдѣлалось то, что гдѣ былъ прежде Терекъ, тамъ сдѣлалась дорога, а гдѣ была дорога, тамъ Терекъ. Причиною обвала, какъ предполагаютъ, былъ чрезмѣрный жаръ нынѣшняго лѣта, отъ чего снѣга на Казбекѣ растаяли, подмыли громады мелкихъ каменьевъ и снесли ихъ съ собою внизъ. Свидѣтели обвала въ Дарiялѣ (небольшомъ редутѣ, въ трехъ верстахъ отъ обвала) сказывали намъ, что трескъ начался въ полночь и обвалъ продолжался четыре часа сряду, громъ отъ паденія каменьевъ такъ былъ ужасенъ, что они полагали разрушеніе всего Кавказа и, какъ говорится, настоящее свѣто-представленіе. Три рѣки каменьевъ потекли съ самаго хребта горъ, и отъ взаимнаго тренія камней брызгали искры, такъ, что въ мрачную ночь, тройной обвалъ представлялъ какъ будто три шумныя,

огненныя рѣки, ниспадающія съ необъятной, почти заоблочной вышины, на единственный путь съ кавказской линіи въ Грузію. Во время проѣзда нашего работы подвинулись уже такъ много впередъ, что можно было проѣзжать по дорогѣ не только верхомъ, но и въ повозкахъ. — Чѣмъ далѣе мы подвигались отъ Ларса къ Дарiялу и до села Казбека (въ 9 верстахъ впереди отъ Дарiяла), тѣмъ природа становилась угрюмѣе; слои известковые тѣснились слоями гранита и аспида, растительность становилась болѣе и болѣе скуднѣе, кое-гдѣ видны были, не болѣе аршина высоты, горбатыя ели, а траву заступалъ мохъ, проглядывающій изъ трещинъ скалъ черныхъ и сѣрыхъ, взгроможденныхъ одна на другую до небесъ. Дефилеи становились часъ отъ часу тѣснѣе, Терекъ ревѣлъ громче, крутилъ грязныя волны свои, дробился объ огромные камни, которые иногда сдвигалъ съ мѣста и тащилъ нѣсколько сажень впередъ по теченію своему. Дорога наша подымалась на косогоръ, примыкающій, съ одной стороны, къ безпрерывной стѣнѣ, возвышающейся до облаковъ, а съ другой, къ пропасти, въ которой кипѣлъ Терекъ.—Иногда дорога проходила сквозь выдолбленныя потокомъ въ скалѣ галереи, а иногда шла у самаго берега Терека, такъ, что брызги покрывали насъ и лошадей нашихъ.—У Дарiяла дефилея самая тѣсная, скалы и горы кажется хотятъ пасть на голову и неба видно не болѣе

какъ часа на два солнечнаго ежедневнаго перехода, отъ чего въ этой дефилеѣ, почти безпрерывный сумракъ и свѣтъ, какъ я уже сказалъ, видѣнъ не болѣе двухъ часовъ, въ самую лѣтнюю пору. Все это, совокупно съ безплодіемъ и угрюмостію мѣстнаго положенія гигантскихъ горъ, вселяетъ въ душу какой то неизъяснимый ужасъ.— Уже около Дарiяла замѣчательно холоднѣе, потому что, хотя не чувствительно, но отъ самаго въѣзда въ горы, дорога подымается все выше и выше, вдоль по теченію Терека.

Въ редутѣ прекрасный домикъ для проѣзжающихъ, а напротивъ, видна огромная скала, на которой развалины замка, также огромнаго; у этихъ развалинъ болѣе всего замѣчательна лѣстница, выдолбленная въ скалѣ, длиною на нѣсколько десятковъ сажень, и чрезвычайно крутая.— Вообще на пути встрѣчаешь огромные камни въ 50 и болѣе сажень въ діаметрѣ, скатившіеся, какъ полагаютъ, съ верха горъ. Проѣхавъ версты 4 отъ Дарiяла, сверхъ черныхъ, каменистыхъ и безлѣсныхъ горъ и сквозь тонкія облака проглянуло вдуглавое темя Казбека и окружные снѣговые верхи низшихъ его горъ: это новое явленіе было очаровательно!—Казалось, что Казбекъ въ разстоянiи не болѣе трехъ верстъ, но до подошвы ея было верстъ 12.

Въ селѣ Казбекѣ мы перемѣпили лошадей и поѣхали тотчасъ далѣе, и гора Казбекъ предста-

вилась намъ прямо передъ глазами. На этомъ мѣстѣ, сказывали мнѣ, мы были 600 сажень выше морскаго уровня.—По мѣрѣ ѣзды нашей впередъ, дефилея становилась шире, но природа болѣе и болѣе мертвѣла; здѣсь не видно даже ни одной ели.—Я забылъ сказать, что на пути нашемъ видны были, по обѣимъ сторонамъ дороги, на неприступныхъ вершинахъ, осетинскія деревни, которыя, по мѣстности своей и по образу строенія, необыкновенно какъ живописны; такихъ поселеній попадалось намъ болѣе отъ села Казбека къ Коби, по причинѣ широты дефилеи. Замѣчательны также осетинскія водяныя мельницы, коихъ болѣе отъ Владикавказа или лучше сказать отъ Балты до Даріяла. Эта мельница не болѣе какъ сажени въ полторы въ діаметрѣ, съ колесомъ горизонтальнымъ, приложеннымъ въ срединѣ каждой изъ нихъ; онѣ становятся на одномъ изъ береговъ Терека или между двумя каменьями, или на какомъ либо узкомъ рукавѣ этой рѣки.—Такими необыкновенными мельницами усѣянъ почти весь берегъ.

Около Коби, куда мы пріѣхали къ вечеру, отверстіе весьма разширяется и Терекъ бѣжитъ плавнѣе; впрочемъ, недалеко отъ этого мѣста начинается источникъ этой рѣки, и она еще довольно узка и мелка; мѣстоположеніе совершенно мертвое и пустынное.

Въ Коби встрѣтился я съ однимъ старымъ знакомымъ моимъ, ѣхавшимъ изъ Тифлиса въ отпускъ въ Москву. Онъ разсказывалъ мнѣ тифлисскія новости; бесѣда наша продолжалась довольно долго, я удерживалъ его ночевать, а онъ заупрямился и пустился въ путь, но вскорѣ послѣ его отъѣзда началась гроза ужасная, дождь ливмя лилъ, громъ и молнія раздирали небо. Надобно быть свидѣтелемъ грозы въ горахъ, чтобъ вполнѣ наслаждаться всею красотою этого величественнаго небеснаго явленія. Одинъ ударъ производилъ десятки другихъ ударовъ отъ отголосковъ въ горахъ; не прошло часа, какъ упрямый мой знакомый возвратился назадъ, потому что ночь была темная и лошадь его нѣсколько разъ падала отъ грома.

1 сентября, мы дерзнули на послѣднее усиліе, на перевалъ черезъ горы. Отъ Коби дорога вьется по косогору надъ рѣчкою, впадающей въ Терекъ. Чѣмъ далѣе подвигаешься, тѣмъ дорога становится круче, наконецъ между 6 и 7 верстою въѣхали мы на Крестовую гору. Окрестности здѣсь совершенно безжизненныя, нѣтъ ни одного дерева, ни одного жилища, трава однакожъ въ долинахъ есть, потому что видны пасущіяся на нихъ горскія лошади, и кой-гдѣ скирды сѣна, скошеннаго казаками, находящимися на посту въ Коби.

Крестовая гора есть самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Балты до Тифлиса. Здѣсь настоящій перевалъ черезъ Кавказъ. Не на-

добно однако полагать, чтобъ эта гора была выше Казбека или высшая изъ окрестныхъ ей горъ, напротивъ она самое нижайшее звѣно цѣпи горъ, раздѣляющихъ противоположныя теченія рѣкъ Терека и Враглы, и потому именно избрана, какъ удобнѣйшая для проѣзда.

Крестовая гора получила названіе отъ креста, водруженнаго на ней первыми Русскими, перешедшими за Кавказъ, въ Грузію во время Екатерины, но крестъ былъ деревянный и уже обветшалъ; теперь генералъ Ермоловъ соорудилъ огромный, высѣченный изъ гранита крестъ, съ такимъ же подножіемъ.

Спускъ съ горы, около полторы версты, кончается на косогорѣ Гутъ-горы. Косогоръ этотъ продолжается версты на двѣ, такъ что, можно сказать, плечомъ касаешься Гутъ-горы, а ступень лошади становится на край пропасти, версты двѣ глубиною. На днѣ пропасти видишь скалу, покрытую лѣсомъ и отдѣляющуюся подобно острову отъ всѣхъ высотъ.

Съ вершины горы осетинскія деревни кажутся не болѣе чернильницы, а скотъ, пасущійся по лугамъ, не болѣе мухи. — Изъ ущелья вытекаетъ рѣка Арагва, которая уже принадлежитъ къ системѣ рѣкъ грузинскихъ, такъ какъ Терекъ, вытекающій за этимъ же хребтомъ, но только съ другой стороны Крестовой горы, принадлежитъ системѣ рѣкъ кавказской линіи. — Мы ѣхали сре-

ди облаковъ, нѣкоторыя ходили гораздо ниже насъ, а иногда попадали мы въ влажные облака или тучи и крупный дождь осыпалъ насъ; иногда тучи, пробѣжавъ, давали мѣсто солнечнымъ лучамъ, отъ которыхъ мѣстоположеніе принимало особую прелесть. Отъ Гутъ-горы дорога вдругъ примѣтно круто опускается, однакожъ нѣкоторыми уступами; она покрыта каменьями и промоинами, отъ частой слякоти, дождей и весеннихъ водъ.

Отъ Гутъ-горы за 7 верстъ станція Кашауры и на 5 верстъ отъ этой станціи открывается извѣстная долина. — Нѣтъ выраженія для описанія прелестей этой долины, особенно же въ то время года и прекрасную погоду, въ которыя мы ѣхали. — Она есть продолженіе той пропасти, объ которой я говорилъ, описывая проѣздъ нашъ черезъ Гутъ-гору; по этой долинѣ доѣхали мы на ночлегъ въ Пасанауръ; здѣсь совершенно прекратились горы, мы спустились съ послѣдней, ужасно крутой и каменистой дороги, лежашей по косогору продолженія Гутъ-горы, и пріѣхали въ деревеньку, гдѣ живетъ правитель горскими народами.

Путь нашъ отъ послѣдняго ночлега въ Пасанаурѣ лежалъ по плоскимъ берегамъ Арагвы, текущей по широкой долинѣ, окруженной живописными лѣсами, предгоріемъ Кавказа, довольно однако еще возвышеннымъ. Арагва течетъ хотя весьма быстро, потому что покатость русла ея еще до-

вольно значительна, но вода ея не такъ мутна, какъ въ Терекѣ, напротивъ, на ней видны волны отражающіяся южнымъ небомъ. Берега Арагвы прелестны; широкая и гладкая дорога, осѣненная каштановыми деревьями, грецкимъ орѣшникомъ и вязами, идетъ у самаго берега, кой-гдѣ попадаются миндальныя деревья, барбарисовыя кустарники и шиповникъ, и сверхъ того виды разнообразятся предгоріемъ Кавказа, нигдѣ Арагву не покидающаго. Мы пріѣхали на ночлегъ нашъ въ Пасанауръ чрезвычайно усталые, потому что хотя переѣздъ отъ Коби не болѣе 32 верстъ, но гористая дорога совершенно утомила и изнурила насъ. — Въ Пасанаурѣ караулъ уже отъ войскъ, находящихся въ Грузіи.

2 сентября, рано утромъ, отправились мы въ дальнѣйшій нашъ путь. Дорога весьма сходна съ тою, по которой мы ѣхали, отъ спуска съ Кашаурской горы; также живописна и пріятна для ѣзды, словомъ, настоящій англійскій паркъ, въ большемъ размѣрѣ. Въ Ананурѣ мы перемѣнили лошадей и, при самомъ выѣздѣ со станціи, оставили Арагву въ лѣвѣ, потому что тутъ крутая, каменистая и лѣсная цѣпь горъ такъ близко прилегаетъ къ рѣкѣ, что нѣтъ никакого проѣзда; одни пѣшеходы, и то съ трудомъ, пробираются по тропинкѣ, вьющейся на боку утеса надъ самою Арагвою.

Въ 3 верстахъ отъ Ананура карантинъ, отсюда рѣшились мы съ Грибоѣдовымъ отправить вьюч-

ныхъ лошадей нашихъ обыкновенною дорогою, которая обходитъ, какъ я прежде сказалъ, цѣпь горъ, а самимъ ѣхать прямо черезъ эту цѣпь, черезъ что̀ мы сокращали путь, по крайней мѣрѣ тремя верстами. Намъ казалось, что мы не встрѣтимъ на избранномъ нами прямомъ пути большихъ затрудненій, потому что глазами видѣли, гдѣ кончается высота, но когда въѣхали на нее, тогда увѣрились, что это еще только первый уступъ и что надобно было карабкаться на другой, поднявшись же на другой увидѣли еще третій круче и выше, наконецъ, когда кое-какъ мы и туда добрались, то выиграли только то, что на лошадей нашихъ напали особаго рода слѣпни или мухи, величиною съ серебряный пятикопеечникъ и совсѣмъ плоскія. Вотъ все, что мы нашли замѣчательнаго на этой горѣ. Съ высоты ея начали мы спускаться почти такими же уступами и наконецъ выѣхали на настоящую дорогу, по которой обыкновенно всѣ ѣздятъ, и догнали нашихъ вьючныхъ лошадей.

Въ 3 верстахъ отъ Душета въѣхали мы въ низкой лѣсъ, растущій по обѣимъ сторонамъ дороги. Весь этотъ лѣсъ состоитъ большею частію изъ шиповника, бывшаго тогда въ полномъ цвѣтѣ.

Вся страна отъ Ананура до половины дороги, то есть, отъ того мѣста, гдѣ мы оставили Арагву, и до того, гдѣ опять къ ней подъѣхали, весьма гориста и лощиниста. Въ Душетѣ есть купцы и

ремесленники, лавки и порядочныя строенія, чего мы уже давно не видали.

Верстъ 10 отъ Душета, дорога идетъ черезъ высоты и лощины, пока соединится съ Арагвою; тутъ начинается плоскость, продолжающаяся до небольшой деревни Гаринскалъ, гдѣ казачій постъ и почтовый дворъ. Тутъ мы ночевали и 3 сентября пустились прямо въ Тифлисъ, я въ почтовой тѣлежкѣ, а Грибоѣдовъ верхомъ. Отсюда идетъ дорога верстъ 10 косогоромъ, вдоль берега Арагвы, но у Муаета пересѣкаетъ дорогу рѣка Кура (древній Киръ, Cyrus). Тутъ поворотили мы въ право, противъ теченія Куры, и проѣхавъ около полторы версты, переправились чрезъ древній, такъ называемый мостъ Помпея; потомъ поворотили на лѣво вдоль теченія Куры, и проѣхавъ правымъ берегомъ этой рѣки также около 2 верстъ, у самаго впаденія Арагвы въ Куру поворотили еще въ право, и этою дорогою пріѣхали прямо въ Тифлисъ.....

Д. ДАВЫДОВЪ.